

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Виталий ЗАКРУТКИН:

И молодость, и мудрость лет

От ростовского причала до города Семикаракорска «Метеор» идет около трех часов. И ростовчане, и туристы любят этот путь по Дону. Перед стремительно летящим катером открываются старинные правобережные хутора, станицы, города: Старочеркасск, Мелиховская, Пухляковский, Раздорская...

Виноградники и сады, светлые корпуса новостроек, старые соборы, казачьи курени с низами и балаясами, просмоленные лодки на берегу. За Семикаракорями, сделав плавный поворот, катер причаливает у островной станицы Кочетовской. Здесь, огибая станицу с двух сторон, сливаются две большие реки: Дон и Северный Донец. В паводки и половодье станицу окружает вода, поэтому лодка — необходимый предмет быта каждого кочетовца. Здесь живут виноградары, рыбаки, животноводы, механизаторы. Кочетовские овощи и вино славятся на Дону. Живописен этот уголок: пойменный лес, ерики, буераки, холмы. Прямо у станицы — шлюзы, они построены еще Петром I и служат до сих пор.

Тридцать шесть лет назад молодой ученый-филолог, заведующий кафедрой русской литературы Ростовского университета Виталий Закруткин приехал сюда, оставив карьеру ученого, прекрасную городскую квартиру. Что стало причиной столь категорического решения? Писатель, прошедший сквозь горнило второй мировой войны, получивший боевой орден Красного Знамени из рук Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, объясняет это так:

— Обо всем увиденном на войне я не мог молчать, обязан был в меру своих сил и способностей поведать людям, чтобы воздать должное живым и мертвым героям. И я понял, что к научной работе, к чужим, пожелтевшим от времени рукописям, к институтскому кабинету, докторской диссертации, к лекциям и экзаменам, ко всему тому, чем я жил до войны, мне не суждено вернуться больше никогда... В 1947 году я навсегда простился с городом. Кочетовский колхоз «Победа» выделил мне хороший участок на берегу Дона, помог транспортом. За два года мне удалось построить на своем участке просторный деревянный дом, привести в порядок двор, начать посадку фруктового сада... Большая часть пути уже пройдена мной, и я счастлив тем, что жизнь в деревне открыла мне красоту земли, ее добрую, живительную силу, дала возможность в полной мере познать трудную работу в полях, сладостную вечернюю усталость, научила с сыновней нежностью любить и уважать жесткие, натруженные руки земледельца, до сердечной дрожи наслаждаться шумом древесной листвы, журчанием ручья, сокровенным языком птиц и зверей.

Высокий гражданский долг человека, властный зов сердца, переполненного впечатлениями войны, продиктовали ему это решение — жить в отдаленной станице, осмыслить увиденное в жизни и написать об этом.

Он приехал сюда не как гость, а как хозяин, работник. Сразу с головой окунулся в колхозные дела: ходил в бригады, выступал на собраниях, косил сено, сеял хлеб. Ездил в Ростов по колхозным нуждам, писал письма в Москву. По его ходатайству в Кочетовской создали виноградарский совхоз. Станичники избрали писателя депутатом сельского, а потом и областного Совета.

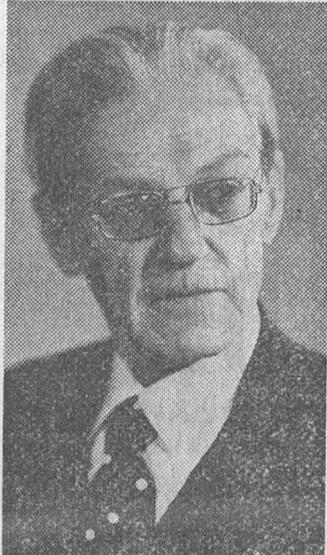
Богатейшая, разнохарактерная, многоликая жизнь станицы прямо или косвенно переходила на страницы книг, известных ныне всесоюзному и зарубежному читателю: «Сотворение мира», «Плавучая станица», «Подсолнух», «Матерь человеческая».

На третьем году жизни в Кочетовской Виталий Закруткин написал «Плавучую станицу». За этот роман ему присудили Государственную премию СССР. Резонанс книги был велик. Сотни писем приходили от рыбаков Байкала, Волги, из Болгарии. Министр рыбной промышленности СССР специальной директивой обязал обсудить во всех коллективах проблемы, поднятые писателем. Английские рыбаки прислали письмо, в котором беспокоились о своих рыбных промыслах, в частности они спрашивали: «Не можете ли вы посоветовать, как нам, англичанам, возродить некогда процветавший в наших морях промысел креветок?».

Боль и тревоги писателя о сохранности природных богатств старинной русской реки были понятны и близки всем людям. После опубликования романа Кочетовскую называют теперь плавучей станицей, хотя писатель даже не намекал на реальность сюжета и героев романа.

Отношение кочетовцев к писателю особое. Он для них не только известный и любимый автор, но только депутат,

но и станичник, сосед, товарищ, мудрый советчик. Для каждого кочетовца дом писателя своего рода университет. Для одних — это дом ученого-краеведа с его огромной коллекцией флоры и фауны среднего и нижнего Дона; для других — дом историка, где собраны уникальные документы и экспонаты, редкие книги; для третьих — это опытное хозяйство агронома - экспериментатора, селекционера. В своем небольшом саду Виталий Закруткин выращивает удивительные яблоки, груши, виноград, овощи, имеет свой розарий. Он сумел «приручить» в своем саду даже нежный южный персик. Многие агрономы из соседних хозяйств, как в высшую инстанцию, обра-

щаются к Закруткину за советом, пользуются его библиотекой. И для всех, кто приезжает в Кочетовскую, это — дом Человека.

После каждой поездки по стране или за рубеж Виталий Закруткин делится впечатлениями со станичниками. Обычно собираются в просторном читальном зале местной библиотеки, и встречи эти скорее похожи на сельские сходки, где не спеша обсуждаются все наблевшее, неотложное, большие и малые хозяйственные дела, литературные новости. Накануне семидесятилетия писателя состоялась такая встреча. Приехали секретари райкомов и советские работники соседних районов, семикаракорцы, ростовчане, пришли станичники. Первый секретарь Семикаракорского райкома партии В. И. Ярош сказал:

— Для нас, конечно, слово «встреча» условно. Мы работаем вместе. Советуемся во всем с нашим старшим товарищем. Он не меньше любого работника нашего райкома вникает в повседневные дела: бывает на виноградниках, на рыбацких тонях, в садах, на животноводческих фермах. Иной раз замечания простых людей о недостатках адресуются к писателю, как к высшей моральной инстанции, к общественной совести: «Об этом еще Закруткин не знает» или «Куда Закруткин смотрит». И он, действительно, принимает все близко к сердцу: звонит, просит разобраться, принять неотложные меры.

Множество вопросов, которые задавали писателю на этой встрече земляки, касались последних новостей и событий в его жизни.

— Виталий Александрович, несколько лет назад вы закончили работу над романом «Сотворение мира», удостоенным Государственной премии СССР за 1982 год. Вы работали над романом двадцать шесть лет. Как вы оцениваете итоги этой большой работы?

— Безусловно, это был легкий труд. И сегодня я не могу, не имею права сказать, что недоволен романом. Как для матери дороги все дети, так и книги для писателя. Но иной раз, перелистывая старые страницы, думаю: будь помоложе, наверное, переписал бы отдельные главы... Теперь поздно, пусть все остается так, как было написано в добрые годы, в лучшие минуты вдохновения, как было напето сердцем по свежим впечатлениям.

— Сегодня на селе идет большая перестройка и в хозяйственной работе, и в культурной жизни. Мы всегда с нетерпением ждем писательского слова об этом. С интересом читаем ваши статьи в «Правде», в «Литературной газете», в областных газетах. Но все-таки редко еще бывают в газетах такие выступления. В Ростове пятьдесят членов Союза писателей, а в газетах выступают единицы. Чем это объяснить?

— Я давно убежден, что любой писатель без газеты — не писатель. Все большие писатели были великолепными газетчиками, публицистами. Достаточно вспомнить Пушкина, Толстого, Достоевского, Горького. Оперативнее откликнуться — это прямой долг литератора. И вдвойне обидно, что ростовские писатели прибегают, а то и просто ленятся. Я думаю, в ближай-

шее время в нашей Донской писательской организации мы серьезно и требовательно поговорим на эту тему. Писательское слово должно звучать не только на страницах областных и центральных газет, но и в районных, где сегодня особенно нужен углубленный и зоркий взгляд на социальные и нравственные перемены в селе.

— Вы знаток донских казачьих песен, любите музыку, театр. А в станице этого не хватает. Поэтому невольно приходится завидовать горожанам...

— Преимущество у горожан, конечно, есть. Но я не со всем согласен. У нас в стране тысячи небольших хуторов, сел, аулов, кишлаков, где нельзя пока организовать профессиональный театр. Но таланты нас бог не обидел. Я, например, с удовольствием смотрю выступления наших кочетовских участников художественной самодеятельности. Другое дело, профессиональные театры, которых у нас на Дону около десятка, должны почаще навещаться на село. Как депутат областного Совета я не раз критиковал наше областное управление культуры за недочеты в гастрольных делах. Ведь приезд театра в станицу — это праздник и, кроме того, хорошая школа для художественной самодеятельности.

— Вашей домашней библиотекой пользуются многие станичники. И вообще гостей и посетителей, как к депутату, много. Не мешает ли это творческой работе?

— Помогает. Мне не нужно ездить в так называемые творческие командировки. Ведь для писателя что самое главное? Общение, знание человеческих судеб. В общении с людьми за долгие годы депутатской работы мне открылось столько удивительных человеческих судеб, столько разных характеров, что с избытком хватит для творческого осмысления на много лет. Собираюсь написать документальную повесть «Записки депутата».

— Многие годы вас связывает дружба с Михаилом Александровичем Шолоховым. Много страниц вы посвятили жизни и творчеству этого замечательного писателя. Что вам дают эта дружба, общение?

— Общение с Шолоховым оставляет огромный след в душе, возвышает, заставляет думать о судьбе своего народа, о своей судьбе, о долге перед родной землей. Шолохов как человек и как художник всегда привлекал и привлекает меня твердостью своего мировоззрения.

— В литературных газетах и в «Советской России» мы читали отрывки из вашей новой повести «На Золотых песках». Судя по ним, это раздумья о войне и мире, об опасностях ядерной катастрофы. Если не секрет, расскажите о своем замысле.

— У меня нет ни одного произведения без реальной основы, без конкретных, жизненных фактов. Я начинаю писать, пока что-то не тронет, не взволнует. Так было с «Матерью человеческой», «Подсолнухом», так случилось и с новой повестью. Несколько лет назад я был на знаменитом болгарском курорте. По старой станичной привычке поднимался на рассвете и гулял по пляжу, который в то время был пуст. Но, кроме меня, в ранний час выходили купаться два инвалида: днем они, видимо, стеснялись показывать свои протезы и культы. Я присмотрелся к этим людям и понял, кто они. Один был в пляжном картузе с готическим шрифтом «Мюнхен», с массивным обручальным кольцом на пальце и с сигарой в зубах. Другой читал «Анну Каренину» и курил «Беломор». Это были инвалиды второй мировой войны, бывшие противники. Случайная встреча натолкнула меня на мысль: а что если заинтересоваться их судьбами, дать работу воображению, домыслить и осмыслить эти судьбы и их сегодняшнюю жизнь? Именно сегодня, когда нарастает угроза новой страшной войны. С того дня началась работа, я понял, что не могу, не имею права молчать. Тема захватила меня. К концу года надеюсь закончить повесть.

— Может, не совсем деликатный вопрос: как вы относитесь к своему семидесятилетнему юбилею?

— Мрачновато... Но, тем не менее, не сбрасывая со счетов бремя прожитых лет, я пока не собираюсь отказываться от жизненных принципов и привычек, дарованных мне молодостью и мудростью жизни.

В. ВОРОНОВ,
наш соб. корр.
станция КОЧЕТОВСКАЯ,
Ростовская область.